

ПОВИСЛА В ВОЗДУХЕ КОМАНДИРОВКА НА ОРБИТУ

Л. Горшков. С моей точки зрения полет советского журналиста в космос сейчас — это глухой номер. У нас единственный полет мог быть в июле, дальше все продано по контрактам. Подготовить космонавта за полгода практически невозможно. А пустить журналиста как пассажира — этого просто нельзя делать. Знаете, сколько у нас было неприятностей? Техника сложная и иногда, случается, отказывает. Поэтому ваши предложения — давайте подготовим как-нибудь журналиста — конечно, не проходят. Это слишком ответственное дело. Я понимаю, за то время, как появилась идея, может быть, и можно было что-то сделать. Но сейчас...

В. Губарев. Первый вопрос — почему эти слова прозвучали только 27 января, когда еще за неделю до этого генеральный конструктор НПО «Энергия» Семенов просил выдать двух-трех человек для подготовки их на первом этапе до 1 февраля этого года? И второй — это ваше личное мнение или мнение фирмы?

Л. Горшков. Ну, прежде всего я высказываю свою личную точку зрения. Мнение фирмы нужно спрашивать у руководителей. Но я, как представляющий данную технику, совершенно твердо в этом уверен.

В. Губарев. Тогда объясните мне, каким образом и за какое время был подготовлен, к примеру, афганский космонавт?

В. Соловьев. Товарищи, о чем разговор? Леонид Алексеевич совершенно справедливо говорит. Отказ может случиться элементарно. У команды не хватает времени, чтобы все контролировать. Афганец был подготовлен плохо. Его запустили по ряду политических причин. А так в принципе все три космонавта должны выполнять функции, связанные с пилотированием корабля.

В. Губарев. Вы хотите сказать, что на протяжении всего этого времени все три человека, летавшие на наших космических кораблях, всегда были одинаково подготовлены к полету?

Л. Горшков. Отнюдь. Мы не хотим так сказать. У нас были люди, подготовленные плохо. Были. Были опытные люди, которые делали грубейшие ошибки. Всякое случалось...

В. Губарев. Но руководитель страны сказал, что советский журналист полетит раньше японского, что не встретило никаких возражений со стороны космических ведомств, хотя мы и планировали такой полет не раньше 1991 года, и сделано это заявление было в середине октября прошлого года. А в военно-промышленной комиссии (ВПК) первый раз разговор об этом состоялся в конце августа. Значит, все, что зависело от журналистов, от космической комиссии, от заинтересованных организаций, — все было сделано. И в этом случае я попрошу напрямую назвать тех, кто не обеспечил решение ВПК и

Советский журналист в космосе: быть или не быть? Именно такой вопрос обсуждали участники состоявшегося 27 января 1990 г. в редакции газеты «Правда» «круглого стола». В беседе приняли участие такие асы журналистики, как В. Губарев, Я. Голованов, А. Покровский, А. Тарасов, а также такие признанные авторитеты космонавтики, как руководитель одного из отделов НПО «Энергия», доктор технических наук, лауреат Государственной премии СССР Л. Горшков и летчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза В. Соловьев.

Генерального секретаря и как это расценивать? Как пустые слова? К идее командировки советского журналиста на орбиту, судя по всему, относятся как к игре в бирюльки с людьми, с общественным мнением. Кому же нужны эти игры? Министр общего машиностроения СССР Шишкин, заместитель Председателя Совета Министров СССР Белоусов, наконец, Генеральный секретарь ЦК КПСС — вот кого вы сейчас ставите в неловкое положение. По моему глубокому убеждению, с самого начала этот проект был гораздо шире, чем посылка одного человека, имеющего членский билет Союза журналистов, в космос. Это необычайно важно и ценно. Ибо мы говорим — готовим профессионалов и тут же готовы за 10 миллионов посыпать в космос японца. И никто почему-то не интересуется его подготовкой. Нет проблем и с тем, чтобы взять английскую школьницу. То есть за твердо конвертируемую валюту мы спокойно можем все что угодно сделать. Когда это имеет отношение к японцам или англичанам, налицо ваша огромная заинтересованность. Что же касается соотечественников — тут некие силы оказываются удивительно равнодушными, спокойными, и в один прекрасный день просто говорят нам: «Ребята все, поезд ушел». Это говорит не только о каких-то политических просчетах. Могут дать и нравственную оценку. Все, что творится сейчас вокруг нашего проекта со стороны космонавтов, которые, честно говоря, должны быть признательны общественному мнению, журналистам, прессе, хотя бы за то, что их знают, за то, что их поддерживали и продолжают поддерживать, причем делают это совершенно бескорыстно, — все это абсолютно безнравственно. Разумеется, я имею в виду не всех, а тех, кто непосредственно отвечает за это дело. В данном случае наши ведомства, подчеркиваю, делают большую ошибку, потому что лишают сторонников, которые на протяжении многих лет оказывали им всяческое содействие. Думаю, и у промышленности, и у наших космонавтов на нынешнем этапе есть достаточно оснований приложить все усилия для того, чтобы подготовить к полету советского журналиста.

В. Соловьев. Скажите, а где глубокое убеждение, что все эти творческие и технические программы полета журналиста действительно оку-

пятся? Все эти книги, телемарафоны...

Я. Голованов. Думаю, что вопрос поставлен Владимиром Алексеевичем не вполне корректно. Главная ценность полета состоит в том, чтобы вернуть престиж космонавтики. Наши дети, кстати говоря, в отличие от американских, перестали играть в космонавтов, а это «железный» показатель. У нас в МВТУ имени Баумана конкурс в пять раз меньше, чем в историко-архивный институт. Лучшие молодые мозги нации в технику сейчас не идут. Я убежден в том, что не материальную выгоду надо ставить во главу угла. Важно то, что идеологически и политически данный полет оправдывает себя сторицей.

В. Губарев. Я сказал, что принимаю в этом участие при одном условии — ни о каких деньгах речи не будет идти. Более того — ни Главкосмосу, ни НПО «Энергия», ни Минобщешашу мы не заплатим ни копейки. Потому что все, что делается в отечественной космонавтике, уже оплачено общими народными деньгами.

В. Соловьев. Мне кажется, тут не учитывается еще один очень важный момент. Я считаю, что за 5—6 месяцев, оставшихся до августа, журналист, который полетит в космос, реализма предполетной подготовки не почувствует. Не полетает на самолетах на невесомость, не попрыгает с парашютом. Мы многих журналистов не знаем вообще.

Л. Горшков. Честно говоря, мы как ведомство не заинтересованы в полете советского журналиста в июле. У нас очень большая программа, за которую мы должны все время отчитываться.

А. Покровский. Меня несколько удивили слова Леонида Алексеевича. Я думаю, что за те месяцы подготовки журналиста к полету, которые уже прошли, финансовая, социальная, экономическая значимость этой акции уже абсолютно ясна с того времени, когда осенью здесь сидел Михаил Сергеевич и мы решили, зачем нужен этот полет...

В. Соловьев. Когда я был кандидатом в народные депутаты СССР, я неоднократно встречался с избирателями и, в частности, интересовался их мнением относительно полета журналиста. Простые люди говорят в один голос: «Надо продавать, надо продавать». Вы посмотрите, в каком состоянии у нас школа, а мы на какую-нибудь там ва-

люту оборудуем компьютерный учебный класс».

А. Тарасов. Нефть продаем, лес продаем, сало тоже. Значит ли это, что все, что мы имеем, нужно продавать? Володя, я тогда задам тебе такой вопрос: а как ты вообще относишься к полетам космонавтов? Также плохо? И не журналист здесь будет главным виновником того, что вызывает раздражение в обществе. На многое, как выясняется, тратятся сумасшедшие деньги, и невозможно определить, на что же именно они идут.

В. Губарев. Конечно, благодаря полету журналиста в космос колбасы больше на прилавках не появится. Это произойдет лишь при одном условии — если у нации есть интеллект, чувство собственного достоинства и умение трудиться. Не разбогатеет мы ни на лесе, ни на нефти. Мы уже прозевали в 1967 году одну научно-техническую революцию и фактически превратились в развивающуюся страну. Если мы таким же образом пропустим НТР в ближайшие два-три года, то вообще станем слабо развитым государством. Единственный способ избежать этого — бороться за интеллект нации. Полет журналиста — это не просто полет Иванова, Петрова или Сидорова. Пройдет 50 лет, и будут говорить — первый искусственный спутник Земли был советским, первый космонавт — Юрий Гагарин, первый в открытом космосе — Евгений Леонов и первый журналист в космосе тоже был советским. Вот, если уж на то пошло, высшая цена всему этому.

...Думаю, многие прочитавшие этот краткий отчет испытают чувство горечи. Как уравновесить чаши весов, на одной из которых лежит национальный престиж, на другой — требование самокупаемости, на одной — вполне объяснимые профессиональные амбиции космических ведомств, на другой — не менее понятное честолюбие советских журналистов.

Сейчас не время искать виновников того, что на подготовку советского «космического репортера» осталось столь мало времени. Нужно просто вспомнить, что советские космические ведомства и пресса всегда шли рука об руку, и приложить максимум усилий к тому, чтобы вместе выйти из непростой ситуации. Ибо альтернативой этому может стать то, о чем с горечью сказал А. Тарасов, обращаясь к В. Соловьеву: «Володя, помани мое слово, этим путем мы придем к тому, что на наших кораблях вообще станут летать чужие. Вот с таких, казалось бы, на первый взгляд мелочей и начинается путь отступлений и продаж. Когда тебя снимут с места руководителя полетов и скажут — пусть за валюту ими руководит, ну, предположим, мистер Гопкинс — он нам за это миллионы заплатит, ты воскликнешь: «Ребята, да вы в своем уме?» и вспомнишь вот этот разговор. Вот куда может привести путь, на который вы хотите ступить».